

Шишков Вячеслав Яковлевич

Филька и Амелка

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В99

В99 **Вячеслав Яковлевич Ш.**
Филька и Амелька / Шишков Вячеслав Яковлевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 141 с.

ISBN 978-5-521-31267-2

ISBN 978-5-521-31267-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вновь били, когда мать въ изнеможеніи и горькой обидѣ лила надъ нимъ слезы, въ душѣ Амелки пробуждалось чувство большой любви къ матери, и онъ клялся тогда, что остепенится, что броситъ подлую, непутевую жизнь свою.

Однако, неизмѣнно презрительное отношеніе къ нему деревни не давало Амелкѣ силы переломить себя, уничтожить въ душѣ разъ появившееся зло.

Вотъ какъ-то не выдержало впечатлительное сердце, — Амелка поджегъ амбаръ у кулака и въ ту же ночь бѣжалъ.

* * *

Красная жизнь Фильки кончалась. Наступала осень. Солнце охладѣвало. Шумными табунами летали по вечерамъ скворцы и галки, студеныя зори горѣли на западѣ, и ранними утрами остывшія поля прятались въ густой туманъ.

Все блекло, холодѣло въ природѣ, и внутреннимъ холодомъ сжималось сердце парнишки.

— Какъ же намъ, дѣдъ, зимой-то? Студено, поди?

— Студено, сударикъ, студено... Въ прошломъ году вьюга въ путихватила, едва въ сугробъ не окопался... Со святыми упокой и — крышка. Ну, да ничего, не бойся.

Пришли они въ богатый степной городъ и — прямо на базаръ. Площадь ломилась отъ множества прѣхавшихъ крестьянъ, горы арбузовъ, помидоровъ, баклажанъ и всякой овощи веселили глазъ, общали вкусную пытность на всю зиму.

Слѣпецъ всталъ съ Филькой въ сторонкѣ, безглазо покрестился на колокольный звонъ, спросилъ Фильку:

— Дѣвки съ молодайками подлѣ насъ стоятъ?

— Стоять.

— Заводи утробный стихъ.

И рѣзко, дружно хватили въ два крѣпкихъ голоса:

А вы, гей, еси, ангелы крылатые!

А вы праведныя души пропущайте,

Вы небесный рай намъ отвержайте,

А вы грѣшныя души задерживайте!

Слѣпецъ запрокинулъ лохматую голову къ небу, потрясъ сивой бородой и ударилъ въ землю посохомъ:

Во утробѣ младенца погубила,
А котора душа тяжко согрѣшила —
Ей не будетъ во вѣкъ прощенья —
За дитя своего погубленье,
На второмъ суду ей не бывати,
Самого Христа въ очи не видати...
Ой, горе, горе тебѣ, дѣвка, молодая баба!!

Голосъ слѣпца звучалъ грозно, угрожающимъ было сухое, изрытое оспой лицо его; Филька искусно вплеталъ въ стихиру свой ясный, звонкій голосъ.

Народъ тѣсно окружилъ пѣвцовъ. Шарикъ, съ картузомъ въ зубахъ, собиралъ подаянье. Какой-то озорникъ, парнишка-оборванецъ, дернулъ Шарика за хвостъ. Песъ, бросивъ картузъ на землю, обложилъ озорника крѣпкой собачьей бранью. Народъ захохоталъ.

Не смѣялась только опечаленная дѣвушка. Она хмуро стояла возлѣ слѣпца, вздыхая. Не про нее ль сложенъ этотъ церковный стихъ? Вѣдь это она, Настя Буракова, «во утробѣ младенца погубила», а погубитель — злодѣй Васька совхозскій, а погубительница — старушонка тлѣнная, бабка Мавра — утробу ея веретенцемъ окаяннымъ опоганила, крови женскія въ три ручья пустила, сняла маковъ цвѣтъ съ Настина румянаго лица. Будь проклята ты, бабка Мавра, и ты Васька-обольститель, трижды проклять будь!

Блѣдная, тихая Настя дрожащей рукой срываетъ съ мочалки бубликъ, суетъ его въ руку слѣпца и шепчетъ старику:

— Дѣдушка хорошій, а ну еще.

Дѣдъ Нефедъ кладетъ бубликъ въ кошель, крестится, говорить Филькѣ:

— Заводи печальную, голосъ въ дрожь пускай.

Филька оглаживаетъ Шарика, злобно косится въ сторону собачьяго обидчика и сердитымъ голосомъ заводитъ:

Что есть у насъ три печали великія,
Какъ-то намъ тѣ печали миновать будетъ?

Тутъ увѣренно и крѣпко, устрашая толпу, подхватываетъ дѣдъ Нефедъ:

Первая печаль: какъ умереть будетъ?
А вторая печаль: не вѣмъ, когда умру.
А третья печаль: не вѣмъ, гдѣ на томъ свѣтѣ
обращуся.

Ой, нѣтъ у меня добрыхъ дѣлъ и покаянія,
Нѣтъ чистоты тѣлесныя и душевныя...

Собачій обидчикъ былъ не кто другой, какъ Амелъка. Онъ показалъ Филькѣ языкъ и фигу. Когда же повелъ парнишка слѣпца въ живопырку чайку глотнуть, Амелъка поровнялся съ Филькой и шепнулъ ему:

— Какъ усадишь дѣда брюхо кипяткомъ парить, выйди на улку, — любопытное скажу.

— А подь ты къ ляду! — огрызнулся Филька. — Ты Шарика избидѣлъ.

Тогда Амелъка сунулъ Филькѣ только что украденную на базарѣ плитку шоколада:

— На. Выходи, смотри.

Филька выпилъ два стакана чаю, его взяло любопытство, онъ сказалъ слѣпцу:

— Пей, дѣда... Я сейчасъ.

Вмѣстѣ съ Амелъкой подбѣжали къ Филькѣ еще два подростка.

— Будемте знакомы, — сказалъ Амелъка. — Вотъ этотъ — Пашка Верблюдъ, этотъ — Степка Стукни-въ-лобъ. А тебя какъ?

— Филька.

— Ну, ладно. Будешь Филька Поводырь. Пойдемъ до хазы.

— Куда это? — попятился Филька.

— Какъ, куда?! — изумился Амелъка. — Извѣстно, куда: въ нашу камунью. У насъ, братъ, о!... У насъ жить весело...

Амелъка былъ широкоплечій, но худой, въ драгомъ, лоснящемся грязнымъ саломъ архалукѣ. Спина одежды отъ самага ворота вся вырвана, болтались лишь длинныя полы и заскоруждые рукава въ заплаткахъ. Босыя ноги покрыты густымъ слоемъ давнишней грязи, до кожи не докопаться. На головѣ — позеленѣвшая отъ времени монашеская скуфейка, за это оборванцы прозвали его Амелъка Схимникъ. Лицо Схимника какое-то отечное, желтогрязное, болѣзненное, ротъ широкій, губастый, и маленькіе, исподлобья бѣгающіе глазки.

Пашка Верблюдь горбать и малъ. Его отрепье, казалось, состояло изъ однихъ прорѣхъ, кой-гдѣ схваченныхъ заплатами, встопорщенные, неимоვნно грязные волосы отъ вшей шевелились на вискахъ, лицо стариковское, треугольничкомъ, и злые, наглые глаза.

Пашка Верблюдь не понравился Филькѣ. Зато показался пріятнымъ ему третій оборванецъ — Степка Стукни-въ-лобъ. Онъ былъ похожъ на крѣпкую краснощекую дѣвчонку, и лицо его не такъ грязно. Одѣтъ онъ довольно потѣшно: гологрудый, безъ рубахи, штанишки до колѣнъ, рваные, руки засунуты въ бабью муфту, изъ которой торчала пакля, на головѣ — желтый старушечій чепецъ.

— Ты не смотри, что онъ по-бабьи обрядился, — сказалъ крѣпышъ Амелька. — Онъ, стервецъ, свою мамашу топоромъ по лбу вдарилъ, оттого зовется Степка Стукни-въ-лобъ.

— Врешь, — обидчиво проговорилъ Степка и повернулся къ компаніи спиной.

Филька взглянулъ на грязную, съ выпяченными лопатками, спину оборванца и захохоталъ: на спинѣ красовалась татуировка: срамное слово.

— Это мы его пьяного напоили да и раздѣляли, — пояснилъ Пашка Верблюдь.

Степка Стукни-въ-лобъ сплюнулъ и, не оборачиваясь, сказалъ:

— Подлецы.

— Ну, хряемъ скорѣй, айда! — и Амелька потянулъ Фильку за рукавъ.

— А какъ же дѣдка? — спросилъ онъ.

— Кто это, слѣподарь-то твой? Плевать! — крикнулъ Амелька, поднялъ съ пыльной земли окурокъ и сталъ раскуривать. — Ты въ кого живешь — въ себя или въ стараго хрѣна? Ему подыхать пора.

— Мнѣ дѣдку жаль, онъ хорошій...

— Дуракъ, — сказалъ Амелька. — До какихъ же поръ ты будешь съ нимъ валандаться? Вѣдь скоро зима ляжетъ. А мы зимой, знаешь куда? Мы зимой на курортъ двинемся, въ Крымъ. Дуракъ паршивый! А твой дѣдка поскулить-поскулить, да найдетъ такого же вислоухаго, какъ ты... Дураковъ много, ихъ не орутъ, не сѣютъ, — дураки сами родятся.

Филька оглянулся на харчовку. Онъ и сквозь стѣны видѣлъ дѣда: слѣпецъ безпомощно сидитъ за столомъ, насторожилъ чуткое ухо къ двери, ждетъ: вотъ-вотъ слышитъ Филькины шаги, попроситъ еще чайку. «Дѣдушка Нефедъ, кормилецъ», — подумалъ Филька, сердцу его стало больно и досадно.

— Ну, хряй до хазы, идемъ! — прервалъ его думы неотвязный Амелька. — И Шарика захватимъ съ собой.

— Дакъ что жъ, навовся къ вамъ уходить?

— Знамо, навовся. Да ты ежели съ нами недѣлку проживешь, тебя палкой не выгонишь отъ насъ: живемъ мы роскошно.

— А какъ же дѣдъ? — снова вздохнулъ, раздумчиво посмотрѣлъ на мальчишекъ Филька. — Нѣтъ, не пойду.

— Вотъ шляпа!.. Ну, и шляпа ты, — насмѣшливо протянулъ Амелька и на особомъ, блатномъ языкѣ сталъ переговариваться съ товарищами, подмигивая на проходившую возлѣ нихъ даму. У нея полны руки разныхъ покупокъ въ тюричкахъ и сверткахъ.

— Шей, — скомандовалъ Амелька. — Бери на шарапъ!

Пашка Верблюдь подлетѣлъ и рѣзко толкнулъ даму сзади въ локоть. Тюрички упали на мостовую и въ моментъ были подхвачены тремя безпризорниками. У дамы отъ толчка надвинулась на глаза шляпка, дама нѣсколько мгновений стояла какъ бы въ столбнякъ, потомъ взвизгнула и завопила:

— Караулъ!.. Держите!

— Филька, плинтуй, бѣги! Мильтоны! Менты! — вразъ крикнули ему всѣ трое.

Филька бросился было къ чайной, но оттуда бѣжали къ хулиганамъ человекъ пять мужиковъ и милицейскій.

— Филька! Схватютъ! — волокъ его за рукавъ Амелька. — Плинтуй за мной, бѣги!

Тогда Филька, мигомъ набравъ силъ, помчался вмѣстѣ съ Шарикомъ за оборванцемъ. И судьба его такъ неожиданно сама собой рѣшилась.

2. Трущоба и Майскій цвѣтъ.

Три оборванца привели Фильку на песчаный берегъ большой рѣки. Въ густомъ ивнякѣ лежала опрокинутая вверхъ дномъ огромная баржа. Одинъ бортъ баржи немного приподнять и подперть гиродками: видимо, ее собирались зимой ремонтировать. Здѣсь ютилось около сотни безпризорниковъ.

Въ срединѣ подъ баржей, прямо на пескѣ, была слѣплена ребятами глинобитная печь, похожая на собачью конуру, труба выходила въ пробоину на днѣ баржи.

— Не бойся, — сказалъ Амелька, вводя въ притонъ новаго товарища. — Вотъ наша хаза, я здѣсь вожакъ, — и звонко закричалъ:

— Эй, народы!.. Вотъ, оголецъ, новенькій... Филька Поводырь. Кто обидитъ — въ харю!.. Да онъ и самъ съ усамъ... Карась!.. Зарегистрируй. Номерокъ выдай... Ну!..

Филька стоялъ и жалобно улыбался.

— Пойдемъ, — и Амелька повелъ Фильку въ темный уголъ. — А это вотъ стѣнгазета, — указалъ онъ на приклеенный къ щиту мелкоисписанный, съ картинками, большой листъ бумаги. — Здѣсь описи нашихъ дѣловъ, и прохватываетъ порядки. Есть стихи... Впрочемъ, она не наша: она украдена въ кожевенномъ заводѣ. Вообще, мы живемъ роскошно. Вотъ! Будешь тутъ въ одномъ цеху жить со мной и вотъ съ этими.

Филька оглянулся. За его спиной гоготали Пашка Верблюдь и Степка Стукни-въ-лобъ.

Возлѣ нихъ сгруппировалась рваная, вонючая, грязная дѣтвора въ лохмотьяхъ — мальчишка съ дѣвочками и подростки-парни. Филька все еще продолжалъ улыбаться. Онъ улыбался изъ вѣжливости и опасенія: боялся, какъ бы не огрѣли его по затылку.

Какой-то большеголовый плющеносикъ указалъ на Фильку:

— Ишь, чортъ... Въ новыхъ сапогахъ. Тоже хлюсть...

— Карась! — позвалъ Амелька. — Гдѣ Карась?!

Поднялись свистки, крики:

— Карась, Карась!.. Къ жожаку!

Прибѣжалъ одноглазый, безштанный мальчонка. Онъ въ женской рубахѣ, новой, но замазанной всякой дрянью. По талии — веревка, за веревкой деревянный кинжалъ, на головѣ мѣховая, бѣлой шленки, рваная папаха.

— Номеръ огольцу вручилъ?

— Ну, да.

— Зарегистрируй сапоги, рубаху, картузь. Впрочемъ, картузь не надо: его собака изжевала. А гдѣ Шарикъ?

Песъ въ это время жралъ въ котелкѣ чье-то вкусное хлебово и былъ вполнѣ доволенъ своимъ новымъ положеніемъ.

— Снимай, — приказалъ Карась Филькѣ.

Филька посмотрѣлъ вопросительно на Амеляку.

— Не бойся, — успокоилъ Амеляка. — Сапоги не пропадутъ. У насъ въ чихаузѣ, какъ въ ломбардѣ, крѣпко. Нельзя жъ въ такихъ сапогахъ, въ такой новой рубахѣ на базарѣ по фенѣ ходить. Пока босикомъ, а похолоднѣе будетъ — опорки получишь. Рожу никогда не мой, башку не чеши. Это буржуи выдумали промываться. Вода человѣку для питья дана.

Филька сидѣлъ разутый и голый въ углу на сѣнѣ. Карась бросилъ ему мерзкое отрепье, а сапоги съ рубахой забралъ. Филька сталъ одѣваться. Это уже не нравилось ему — пахивало насильемъ. Руки его дрожали, свербило въ носу, хотѣлось кричать отъ досады и плакать.

Амеляка покровительственно похлопалъ его по плечу, сказалъ:

— Вотъ видишь, какой фартовый сталъ. Одежина теплая. Прямо баринъ довоеннаго образца. Вообще, у насъ роскошно, всероссійскій масштабъ. Заполнялъ анкеть? Карась, тащи!

Карась принесъ огрызокъ карандаша и печатный, захватанный грязными руками анкетный листъ какого-то учрежденія.

— Заполняй анкетъ, — приказалъ Амеляка новичку.

Филька относился ко всему совершенно серьезно: что жъ, подѣ баржей, въ хазѣ, свой уставъ — и тща-

тельно отвѣчалъ на анкетные вопросы. Дважды ломаясь карандашъ, Филька то-и-дѣло спрашивалъ Амелюку:

— А тутъ какъ писать?

Амелюка шутливые давалъ совѣты.

Надъ вопросомъ: «Ваша основная специальность». Филька призадумался и хотѣлъ написать: «Бывшій поводырь слѣплого гражданина Нефеда», но Амелюка подсказалъ:

— Пиши — «воръ».

— Я воровствомъ не занимаюсь, — съ волнующей дрожью отвѣчалъ Филька.

— Тогда пиши: «будущій воръ», — подалъ совѣтъ Амелюка.

Отчетливо раздались семь неторопливыхъ ударовъ въ желѣзный листъ.

— Семь часовъ... Сейчасъ будемъ чай пить съ балой¹⁾.

Филька разсмотрѣлъ: надъ печкой висѣли на веревкѣ дешевенькіе часы-будильникъ, а время отбивала въ желѣзный листъ косматая дѣвчонка, похожая на цыганку.

— Это — Надюка Хлѣбопекъ, — сказалъ Амелюка. — Недавно съ хлѣбной баржи мы пять кулей муки уперли. Баржа на якорѣ стояла. Мы выслѣдили — рабочіе загуляли, пьяные, ну, на двухъ большихъ лодкахъ мы ночью нагрянули по тихой фенѣ. Теперь свой хлѣбъ. По-нашему, хлѣбъ значитъ «бала». Дѣло было трудное. Зато — кто работаетъ, тотъ и ѣстъ.

Межъ тѣмъ, Пашка Верблюдь притащилъ большой жестяной чайникъ съ кипяткомъ. Амелюка развернулъ только что украденные у дамы тюрички. Въ одномъ мятные пряники, въ другомъ — черносливъ, въ третьемъ — чай и сахаръ, въ четвертомъ — макароны, въ пятомъ — конь, кукла и резиновая соска со стеклянной бутылочкой.

— Ага, дѣло, — сказалъ Амелюка и радостно улыбнулся. — Это Майскому цвѣтку.

— А кто такой Майскій цвѣтокъ? — спросилъ Филька.

— А вотъ увидишь. Карась, дѣли дербанку²⁾...

¹⁾ Бала—хлѣбъ.

²⁾ Дербанка—часъ, доля.

Пашка заварилъ чай. Амелъка взялъ старинный бокалъ съ орломъ и вензелемъ.

— Это я въ витринѣ, въ магазухѣ слямзилъ, — похвастывалъ Степка Стукни-въ-лобъ. — Амелъка у меня исприировалъ.

Подъ баржей стоялъ неимовѣрный гвалтъ и перебранка. Всѣ говорили повышенными, крикливыми голосами, всѣ отборно ругались, даже малыши. Было похоже, что пестрое стадо грачей, журавлей, гусей и чаекъ горланить на отлетѣ. Въ полумракѣ сновали взадъ-впередъ сѣрыя тѣни. Возлѣ приподнятаго борта баржи горѣлъ на волѣ костеръ, вѣтеръ загонялъ дымъ подъ баржу. Кой-гдѣ, въ отдѣльныхъ группахъ, размѣстившихся за чаепитіемъ, поблескивали свѣтляками огарки, по продольной оси баржи была натянута въ вышинѣ проволока, на ней зажженные свѣчи — штукъ пять, шесть. Фильку это забавляло. Онъ чавкалъ хлѣбъ, съ наслажденіемъ запивая чаемъ.

— Свѣчи наши шпана воруетъ или покупаетъ по очереди. Слѣдить дежурный. А курево, шамовка, то есть жратва и водка у насъ общіе. Обутки тоже общіе. Да вотъ поживешь — узнаешь, — посвящалъ Амелъка Фильку въ неписанные законы уличной шпаны.

Степка Стукни-въ-лобъ глоталъ жижу изъ грязнаго черепка, многимъ чашками служили консервные коробки.

Въ дальнемъ углу горѣлъ небольшой грудокъ-теплина, тамъ было весело: играли на паршивой сиплой гармошкѣ, подтягивали на берестяномъ пастушескомъ рожкѣ, плясали. И плясали залихватски, съ гиганьемъ, вприсядку. Филька видѣлъ, какъ отрепья плясуновъ развѣвались въ наполненномъ гвалтомъ воздухѣ. Его потянуло туда.

— Соси еще: бурдомаги много, — сказалъ Пашка Верблюдь. — Локай вдосыть.

— Можетъ щиколладу хочешь али кофею?

— Хочу, — заулыбался Филька.

— Ну, ежели хочешь, дакъ у насъ ни кофею, ни щиколладу нѣту... А вотъ что есть, — проговорилъ Пашка и плеснулъ въ самый носъ опивками чая.

Филька отерся рукавомъ своего отрепья и умоляюще посмотрѣлъ на Амелъку, какъ бы ища защиты.

— Пойдемъ къ Майскому цвѣтку, — пригласилъ онъ Фильку, а на Пашку Верблюда крикнулъ: — Ежели еще позволишь внѣ программы, я тѣ паусной икрой весь задъ вымажу въ голомъ видѣ! Да, да. И лизать заставлю... Филька, айда! Топай за мной. По-нашему — хряй.

Пробирались съ Филькой между кучками оборванцевъ. Въ трехъ кучкахъ рѣзались въ грязнѣйшіе, обмызанные карты. За печкой былъ натянутъ въ видѣ палатки большой брезентъ, украденный съ хлѣбнаго штабеля. Амеляка съ Филькой вошли въ палатку.

— Здравствуй Майскій цвѣтокъ, — проговорилъ Амеляка.

— Здравствуй, — послышался женскій голосъ.

При свѣтѣ стоявшаго на ящикѣ застекленнаго фонарика Филька разглядѣлъ: досчатые нары, на нарахъ, — прикрытая ветошью солома, на соломѣ — маленькая женщина, она кормила грудью ребенка.

— Вотъ тебѣ, Майскій цвѣтокъ, сиська резиновая для парнишки, вотъ сливы, вотъ пряники. А это вотъ — конь ему и кукла.

— Спасибо, — отвѣтила женщина, — спасибо. Вонъ, на ящикѣ, видишь, мнѣ много наташили всего. Вонъ вина краснаго бутылка. Да я не пью. Пейте.

Амеляка спросилъ женщину:

— А гдѣ твоя лисья шуба? Покажи новенькому свою лисью шубу.

— А нешто не видишь? Вонъ виситъ.

Амеляка, конечно, видѣлъ. Онъ снялъ шубу и подалъ ее Филькѣ.

— Подивись. Краденая, конечно. По нашему — темная.

Филька пощупалъ шубу, сказалъ:

— Бархатъ, надо быть. Вотъ такъ шуба.

Амеляка самодовольно засопѣлъ, повѣсилъ шубу и съ хвастливостью добавилъ:

— У насъ все роскошно. Не иначе.

Филькины глаза привыкли къ полумраку. Онъ внимательно рассмотрѣлъ женщину. Она лежала въ синенькомъ ситцевомъ платьѣ, въ лакированныхъ, большихъ, не по ногѣ, башмакахъ и съ браслеткой на худой, какъ палочка, рукѣ. Она показалась Филькѣ подросткомъ,